

Павел КУЗНЕЦОВ

НЕЧАЯННЫЙ РАЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
К ИСТОКАМ

Павел Кузнецов

**Нечаянный рай. Путешествие
к истокам (сборник)**

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Кузнецов П. В.

Нечаянный рай. Путешествие к истокам (сборник) /
П. В. Кузнецов — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-46-6

Новая книга Павла Кузнецова состоит из текстов, написанных в разных жанрах. Это – философская проза, эссеистика, историко-философские новеллы, посвященные осмыслению фундаментальных архетипов человеческого бытия, радикально меняющихся в эпоху глобализации: «огонь и вода», «лес», «мать сыра земля», «язычество и православие», «свобода и анархия», «личность и власть», «труд», «утопия», «скука», «тоска», «отчаяние». Другие тексты посвящены писателям и мыслителям прошлого и настоящего: Петру Кропоткину, А. Дружинину, Полю Вирильо, Жаку Деррида, Жану Бодрийяру, Петеру Sloterdijck.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-907030-46-6

© Кузнецов П. В., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Часть I	6
Путешествие в историю	6
Бегство: нечаянный рай	9
Святые дары	11
София, девяностые	13
Пантеизм	15
Пожар	16
Православная этика и дух капитализма	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Павел Кузнецов

Нечаянный рай. Путешествие к истокам (сборник)

© П. В. Кузнецов, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Современность – это состояние захваченности ритмом, который больше не совпадает с человеческим. Слова «я не могу дышать» – это и есть формула современности.

Чтобы вырваться из клубка войн, психопатологии, эксплуатации, нужно начинать создавать острова медлительности, автономии, а потом искать пути, как эти острова соединять друг с другом
Франко «Бифо» Берарди

Часть I

Путешествие в историю

В XIX веке эти двести верст были настоящим путешествием.

На тарантасе, в бричке или дилижансе из Петербурга ехали не торопясь, 2–4 дня, в зависимости от остановок и ночлегов. Ныне забытый писатель Александр Дружинин (1821–1864), англоман, первый русский «прозаик-эстет», переводчик Шекспира и, кстати говоря, основатель первого литературного фонда, прежде чем добраться до своей усадьбы в селе Мариинское, обычно делал крюк и ночевал в гостинице в Нарве в отеле «Санкт-Петербург» – это почти что Европа. Приличных мест для ночлега по дороге не было – постоянные дворы с клопами и тараканами, трактирная еда дворянину не подходили. Похожим образом в Мариинское добирались и гости, в частности, друзья-литераторы – Григорович, Некрасов, да и сам Иван Сергеевич Тургенев.

Ныне, если отправиться из города на юго-запад через Петергоф или Красное Село, то через полтора часа (вокруг плоская, довольно унылая равнина, деревушки, два сохранившихся здания постоянных дворов) мы достигнем славного города Ямбурга, до сих пор почему-то именуемого Кингисеппом.

Крепость Ям на крутом берегу Луги была заложена новгородцами, согласно летописи, в 1384 году, и 200 лет оставалась форпостом, отбивавшим нападения «немцев» и шведов. После Ливонской войны все побережье Балтийского моря, включая Нарву, Иван-город, Ям, Копорье, отошло под власть шведской короны и получило название Ингерманландии. Город Ям, как и все побережье, было отвоевано при Петре лишь в 1703 году, а Ям был переименован в Ямбург.

Сегодня от крепости мало что сохранилось, но зато на берегу Луги устремляется к небу чудом сохранившийся собор Святой Екатерины, построенный по проекту Антонио Ринальди.

Переехав по мосту через роскошную полноводную Лугу, сворачиваем резко налево (а прямо совсем рядом Иван-город и Нарва), и мчимся вместе с северным ветром на юг.

Две автокатастрофы по дороге. Но не очень серьезные. Правда, одно авто перевернулось и лежит на крыше. Но никто не погиб – рядом «скорая помощь».

Раздавленные еж или кошка на дороге выглядят не менее трагично.

Еще страшнее – кресты на обочинах вдоль шоссе. Но здесь они довольно редки. Земля небогатая, дорога пустынная. По сравнению с карельским перешейком, где кресты на каждом шагу, тут их совсем немного.

Скоростное шоссе – это постоянное *memento mori*. Видимо, поэтому оно вызывает такой экстаз. Как было скучно ехать на дилижансе!

Ландшафт существенно меняется. Слева и справа – топкие болота, потом идут смешанные хвойные леса, начало сосновых боров и почти полное безлюдье... Между Ямбургом и Сланцами (35 верст) всего одно село, живущее продажей ягод, грибов, яблок, березовых веников и прочих лесных даров. Затем еще один поворот налево, дюжина деревень, и за селом Шавково дорога обрывается как раз на границе Питерской и Псковской областей. Начинается настоящая глушь и некое подобие лесного большака: в 1990-е нормальные люди тут не ездили, машину можно было разбить в хлам. «Большак» перебегают зайцы, лисы, переползают гадюки, ежи, – или, вот, аист, ловящий лягушек, – обычное зрелище. Попадают и лоси, но они осторожнее. Скорость ничтожна, их всегда можно объехать. А до усадьбы Дружинина в Мариинском десять верст, до Заянья с церковью и монастырем, столько же, и еще семь в сторону до нашего Березно....

Куда мы попали? Медвежий угол – сегодня это крайний северо-запад Псковской губернии, сорок верст на Запад до Чудского озера, тридцать – на Юг до Гдова – и почти двести до Пскова: везде болота, заросшие дороги, сосновые боры и непролазные смешанные леса. Можно набрести на вросшие в землю столетние избы, остовы барских усадеб или эстонских мыз, даже на церковь в глухом лесу с обвалившимися куполами. И еще – множество курганов VIII–IX веков (культура т. н. «длинных курганов Северо-Запада»), встречающихся повсеместно. Но от археологов-позитивистов ничего внятного не дождешься – они раскопают могильник, все обмерят, опишут, найдут несколько железяк, черепков и костей, но чьи это захоронения, что это за люди и племена – кривичи, чудь, водь, весь, (вепсы) нарова или балты – ответа от них не услышишь (не хватает данных!). Есть только гипотезы. Ясно одно – могильники еще дохристианские.

Конец ойкумены, исчезновение цивилизации.

А когда-то это была *историческая* земля. Я не буду начинать с мифологического новгородского старейшины Гостомысла, сведения о котором весьма сомнительны. Но более или менее достоверно известно, что кривичи, поднявшиеся с юга – от Полоцка (и стали псковитянами), пришли сюда в VII–VIII веках, а словене ильменские (новгородцы) – от Новгорода и озера Ильмень – в X–XI, и сильно потеснили местную чудь (эстов), водь и нарову. Отсюда и древнее название восточного побережья Чудского озера – Причудье.

Очевидно, что этот народ вокруг огромного озера – *чудь* – вызывал у славян искреннее изумление – своими нравами, традициям и строем жизни, хотя и те, и другие оставались еще язычниками, но очень разными.

Как и полагается в средневековье («эпоху феодальной раздробленности» – как писали в учебниках), покоя тут, за редкими исключениями, не было никогда. Хотя монголы не добрались до этих краев, своих проблем – предостаточно. На восточном побережье озера жила «чудь мирная», исправно платившая дань славянам, а на западном – «немирная», настроенная жестко и агрессивно. Мочили друг друга все: набеги, баталии, осады, грабежи. Братья славяне громили «немирную чудь» на Западном побережье и устраивали опустошительные походы по всей нынешней Эстляндии, то возвращая назад Юрьев – вроде бы русский город, но построен на месте древнего городища чуди, – то теряя его (лишь позднее он стал Дерптом, затем знаменитым Тарту, где от советской власти в XX веке удалось скрыться Юрию Лотману и его школе, зашифровавшим термином «семиотика» – труднодоступным для понимания московитских властей – традиционные литературоведение и культурологию).

Столь же немирная чудь налетала на гдовско-псковские земли, за что следовало соответствующее отмщение. Сюда надо добавить и многочисленные набеги варягов, и кровавые междоусобицы между братьями-славянами, в более поздних летописях именуемых замечательным словом «нелюбье», когда воеводы или князья сжигали погосты и городища и начинали «переводить людшек». При этом столетиями эта земля, где местные племена крушили друг друга, была одновременно убежищем от жестокой татаро-московитской власти.

Так или иначе, история как история: кто был силен и могуществен – владел всем, кто послабее – должен был скрываться или откупаться...

В VIII–IX веках бесчисленные набеги варягов стали истинным «бичом божьим» для всего балтийского побережья. В конце концов, это заставило разнородные племена объединиться и, согласно летописи, «изгнать варягов за море».

Я не могу не привести еще раз знаменитый фрагмент из Лаврентьевского списка «Повести временных лет»:

«В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и с веси, и с кривичей...

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали

себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по закону”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные – норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка (наряда) в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”.

И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли. И сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, – Синеус, – на Белозере, а третий, Трувер, – в Изборске. И от тех варягов прозвались новгородцы – Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувер. И принял всю власть один Рюрик, и стал раздавать мужам свои города...»

Тут что ни слово или фраза, то загадка. Об это сломаны тысячи копий, написаны сотни книг и статей.

Общеизвестно – с хронологической точки зрения, в летописях, составлявшихся много позднее, предостаточно странностей и неувязок: так что все датировки – гипотетические: перед каждым суждением нужно говорить – «вероятно», «возможно», «допустим».

Получается, что не успели чудь, славяне, мери, весь и кривичи изгнать варягов, как буквально тут же пришлось призвать обратно полулегендарных Рюрика (он же Рерик Ютландский, Ророг или Ререк славянский и т. д.) Синеуса и Трувора со своими дружинами из варяжского племени Русь.

Рюрик, видимо, мог сесть в Старой Ладогe, но вряд ли в Новгороде, ибо Новгорода как города, по мнению многих историков, еще не существовало, как и Белозера. Почему варягов призывают, а не возвращают, хотя они не только совершали набеги, но и обитали тут издавна?

Но так или иначе, если верить летописям (а более достоверно некому), образуется географический треугольник (Новгород и Старая Ладога – Изборск и Псков – Причудье, Нарова): пространство, откуда и *пошла «русская земля»*. Совершенно очевидно, что первой была Русь Новгородская, князья и воеводы новгородские, а уже позднее Русь Киевская – но даже сегодня почему-то в учебниках начинают с Киевской Руси. Была ли Киевская Русь? Конечно, была! Но до нее была Русь Новгорода и Пскова.

А уж сегодня из Киева, начиная с профессора Грушевского, придумавшего в начале XX века фантастическую историю Украины-Руси, на это смотрят совсем по-другому.

Именно отсюда столь же легендарные Аскольд и Дир (есть и другие версии) отправились в 860 году в неудачный поход на Царьград (согласно византийским источникам), по дороге взяв Киев, основанный столь же удивительными персонажами – Кием, Щеком, Хоривом и сестрой с выразительным именем Лыбедь. Из Новгорода отправился на Царьград загадочный Олег Вещий, по дороге взяв Киев и порешив Аскольда с Диром...

Но пока истории достаточно.

Бегство: нечаянный рай

Впервые мы прикоснулись к истокам и попали в эти благословенные места с друзьями в середине июня 1992 года.

Дышать в городе стало невозможно.

На переполненном мебелью, всяческим скарбом и хламом «Форд-транзите» мы отправились по дальней дороге по Киевскому шоссе через Выру, Рождествено, Лугу, и, повернув на Плюссу (областной центр, известный тем, что где-то тут, на реке с таким же названием, в 1583 году был заключен мирный договор между Москвией и Швецией – конец Ливонской войны), попали на пыльный трясучий большак. Ехать же по ближней дороге на Таллин, потом от Ямбурга (Кингисеппа) на юг, мы не решились. По той простой причине, что дорогу в шесть верст на границе между Псковской и Ленинградской губерниями, как рассказывали местные жители, последний раз пролагали немцы, когда шли на Питер в августе 41. И с тех пор начальство никак не могло решить, кто же должен чинить дорогу на границе.

Отмахав в общей сложности 300 верст, в том числе 70 по грунтовке, петлявшей между холмов и деревень с диковинными названиями Большое и Малое Захонье, Игомель, Погребнице, Гнездилова гора, мы получили гвоздь в заднее колесо, и, не доехав метров 300 до желанного дома в самом начале деревни, перегруженный «Форд» прочно сел на брюхо в жестокой псковской грязи.

Это было путешествие в никуда. Дом нам достался случайно, мы бежали из города, в котором находиться тогда было невыносимо. Нечто неведомое, непонятное и тревожное нас ждало впереди, ибо эти места мы видели лишь однажды.

Было уже поздно, но благодаря белым ночам нам было нетрудно перетаскать все пожитки на себе в огромную пустую избу, снаружи обложенную белым кирпичом, с роскошной русской печью. Кроме колченогого стола, табуретки и двух железных кроватей в доме не было ничего. Прежние хозяева, с присущей псковичам хозяйственностью, вывезли все, что только можно.

Белый «Форд» с утиным носом, утопавший в глинистой луже, в те времена на северной псковщине смотрелся как инопланетный объект. Мы чувствовали себя наподобие варягов, прибывших неведомо откуда.

Немногочисленные местные жители из двух-трех ближайших домов с любопытством поглядывали из окошек на странных пришельцев...

Изначально дом предназначался для нашего друга из Лондона, сына русских эмигрантов первой волны, но потом все переменялось, и дом достался нам.

Однако по деревне уже прошел слух, что прибудет неизвестно кто, какие-то, может быть, «агличане» – что вызвало чувство естественного национального беспокойства. Первым в тот вечер нам осмелился нанести визит дед Миня, заросший густой щетиной, в драной зимней фуфайке и кирзовых сапогах, похожий на старого мухомора. Позднее мы узнали, что на жизнь он смотрел без лишних иллюзий, ибо был очень похож на того деда из чеховского рассказа, который каждое лето говорил одно и то же. Если жарило солнце, то он повторял, что жара будет стоять до сентября и весь урожай сгорит. Если же в июне шли дожди, то он говорил, что дожди не прекратятся до осени и тогда все сгниет.

Когда-то в советские времена он работал пастухом, а во время войны был угнан на работы в Германию, теперь надеялся получить компенсацию, но, увы, так до нее и не дожился...

Он опасливо подошел к крыльцу, точнее, к веранде, и долго переминаясь с ноги на ногу, наконец, с тревогой спросил:

– Русские?!

– Русские, – ответили мы, и дед облегченно вздохнул. – Значит, *свои*, – удовлетворенно пробормотал он.

Национальный вопрос разрешился в одно мгновение, и на другой день вся деревня вздохнула с облегчением.

– А случай, закурить не найдется? – жалобным голосом спросил дед. Этот вопрос он потом задавал сотни раз и всегда вот так – жалобно и испуганно – вдруг откажут!

После визита деда Мини и легкого ужина мы отправились в недолгое странствие по совершенно неведомым нам местам. Деревня лежала на холме вдоль длинного озера, постепенно зараставшего странной растительностью, именовавшейся в народе резун-травой, которую, по легенде, в озеро занесли перелетные птицы. Когда-то тут было почти сотня домов, теперь осталось чуть больше тридцати. Многие сгорели в войну, другие просто умерли вместе со своими хозяевами, так что большинство изб стояло на изрядном расстоянии друг от друга.

Мы шли то ли по тропинке, то ли по дороге вдоль озера на Запад навстречу опускавшемуся солнцу. С озера доносился странноватый рокот – сначала мы приняли его за работающий вдалеке трактор, но, как оказалось, это лягушки и жабы пели свою свадебную песнь; неистово заливались соловьи. Избы располагались высоко над озером, внизу торчали почерневшие бани, был будний день, и деревня была пуста. Уже холодало, и тут-то началось самое невероятное. Из низин стал подниматься плотный густой туман, который застилал все вокруг – и некогда пойменные луга, и черные бани у озера, и ложбины, и дома. Мы продвигались в прохладной мутной вате, в которой дробились лучи заходящего багрового солнца. Небо было невероятно близко – казалось, протяни руку и дотянешься и до солнца, и до облаков. Для нас, городских, это выглядело совершенно нереально, космично, мы даже плохо понимали, где находимся. «Диорама какая-то», – с тяжелым вздохом сказал наш густобородый родственник, который как раз занимался их изготовлением. Мы лишь ощущали, что попали в иной мир, где царила ослепительная убивающая красота, мы обретали пространство, о котором не ведали, убежище, которое станет нашим спасением на долгие годы.

Святые дары

В 1509 году... Василий Иванович занял ее (Псковскую землю) вследствие измены некоторых священников и обратил в рабство... Он увез колокол, по звону которого собирался сенат для устройства общественных дел; сами жители были увезены по разным поселениям, а на их место были привезены москвиты... От этого вместо более общительных и даже утонченных обычаев псковитян почти во всех делах введены были гораздо более порочные обычаи москвитов. Именно псковитяне при всяких сделках отличались такой честностью, искренностью и простодушием, что не прибегали ни к какому многословию для обмана покупателей, а одним только словом указывали на саму вещь.

Сигизмунд Герберштейн, «Записки о московитских делах»

Это было удивительное время.

В конце 1980-х, как многие еще помнят, по всей Руси великой народились и размножились бесчисленные религиозно-философские семинары, общества, собрания. Наступило время ренессанса замурованной за семью печатями русской философии и сохранившейся, по преимуществу в зарубежье, *потаенной* литературы. Бурно обсуждались не только еще недавно запретные фигуры – от Леонтьева и Розанова до Флоренского и Степуна, Бориса Зайцева и Бердяева – но и для всех очевидное *духовное* возрождение отечества. Густобородые любомудры, официальные и подпольные, неофиты, литераторы, святые отцы бились над первыми и последними вопросами, громили марксизм, позитивизм, материализм... На наши публичные лекции в центральной лектории на Литейном собиралось по сто-сто пятьдесят человек: публика приходила самая различная – от мала до велика. Из глухого советского подполья выползали на свет Божий ископаемые персонажи, каким-то чудом выжившие за времена семидесятилетнего «вавилонского пленения» – еле стоявшие на ногах ветхие старики, еще помнившие Карсавина, Шпета или Малевича. Трясущимися руками они вытаскивали из обшарпанных портфелей рассыпающиеся рукописи, воспоминания, архивы... Заморские гости валили косяком, дивились неслыханной свободе; философские сочинения мгновенно сметались с прилавков магазинов. Спорили, сражались, бились, но всем было ясно – коли власть имущие, со своими присными, вот-вот канут в небытие – грядущее возрождение не за горами. Ибо главное есть в наличии – священное наследие: как надо жить и обустраивать страну давным-давно написано и прописано в *книгах*. Скажем, экономика и хозяйство – у С. Булгакова, право и государственность – у Ивана Ильина, метафизические основы общества – у Семена Франка, персонология и этика – у Бердяева и т. д.

Вся страна читала – я имею в виду не столько запретную прозу, документальные и лагерные мемуары, сколько воскрешенные из небытия философские трактаты, очерки и статьи, которые издавались не только книгами, но и печатались в «толстых» журналах, выходивших миллионными тиражами. Правда, все это как-то не очень лепилось к современной жизни, но это мало кого смущало. Если нам даны *такие* духовные богатства, еще чуть-чуть – и все начнет образовываться, и, в конце концов, будет построено нормальное общество с человеческим лицом.

Но почему-то выходило наоборот. Чем больше богатств открывалось, тем быстрее все вокруг ветшало, рушилось, разваливалось, опустевало. И все богатства необъяснимым образом оказывались не ко двору. Жизнь катилась своим непонятным чередом, не обращая на них ни малейшего внимания...

Псковская губерния не стала исключением – в древнем граде также было создано религиозно-философское общество, просуществовавшее не многим более года: публика собиралась примерно такая же, как и везде. На последнее заседание, посвященное Владимиру Соловьеву, пожаловал сельский батюшка – тихий, молчаливый, скромный, в старенькой штопанной-перештопанной рясе, сразу видно – человек Божий. Бородатые *философы* вещали о Софии, богочеловечестве, «Трех разговорах» и конце всемирной истории, апокалипсисе и апокастасисе. Батюшка слушал внимательно, не проронил ни слова, но под конец спросил:

– Отцы, так все интересно, никогда такого и не слышал... Я только одного не могу взять в толк, ответьте мне – ежели святые дары прокиснут, их выкидывать или под престол ставить?

Этот финальный аккорд и стал завершением религиозно-философских собраний в древнем городе.

София, девяностые

После сокрушительного обвала начала 90-х от религиозно-философских обществ и от собраний не осталось почти ничего. Так, обломки, осколки, маленькие кружки, где количество выступающих и слушателей, как правило, совпадало. Тогда же нам и достался дом в глухой деревне недалеко от Чудского озера. Медвежий угол, колхоз рассыпался окончательно, люди жили лесом и огородом, передвигались на подводах по лесным дорогам (бензин за семьдесят верст), гужевой транспорт снова вошел в обиход. Телефонами тогда и не пахло, отрыв от цивилизации такой, что возникало ощущение попадания в век этак в девятнадцатый. С поздней осени и до весны около деревень бродят волки, иногда таскают собак, режут скот – кроме электричества и редких антенн над черными избами за сто лет мало что изменилось.

Перед тем как проехать в наше лесное Березно, надо миновать большое село с высокой церковью на холме. Церковь деревянная, XVII века, недавно обновленная, покрашенная, сверкала крытыми жстью куполами. Здесь все *настоящее* – церковь намолена, дух – ветхий, кондовый, батюшка – старый, исконный, служит здесь лет тридцать, ходит босиком по дощатому полу, проповеди читает как при Никоне, вслушаешься – голова идет кругом. Как-то раз проповедовал, что женщина – «сосуд дьявола», «источник соблазна и греха», бабки серьезно слушали, кивали – феминистки сюда пока не добрались. Место настолько глухое, что даже при большевиках церковь не закрывали – Бог с ней, пускай старухи молятся.

На воскресной литургии народу человек двадцать. Пожилой местный интеллигент, двое городских, работающих при церкви, десяток старух, несколько женщин помоложе, дети, подростки. Местных мужиков нет совсем, в церкви бывают только на крестинах, свадьбах или поминках.

В нашей деревне – верстах в семи от села – осталось домов тридцать, стоят они не близко (много сгорело в войну или просто сгнило), разбросаны по небольшим холмам перед длинным заболоченным озером. Соседями справа оказались Николай – бобыль лет 50-ти с крестообразным шрамом на большом лбу, человек нормальный, но немного «не от мира сего», считай, деревенский юридивый, – и живописнейшая баба Валя, по прозвищу «газета». Николай жил в низкой избушке без фундамента – головой стукаешься о потолок – не хватило леса, двух венцов не доложили: «Да зачем мне одному, – машет он рукой, – все равно помирать...» Он всем помогает, почти бесплатно вскапывает огороды, пьет не часто, словом, разительно отличается от остальных. «Да у него ж дырка в голове», – сокрушенно говорила его мать – 90-летняя баба Шура. С виду – обычный мужик, по-своему красивый, живет на инвалидную пенсию. В меру ленив, мечтателен, застенчив, любит порассуждать, но никогда не охотится, не ходит на рыбалку. Станным образом в нем сохранилось какое-то врожденное благородство и деликатность, – но в жизни это чаще всего приходится скрывать. И душа у него, по Тертуллиану, «по природе – христианка». Когда-то в их роду были священники, и, возможно, эти забытые корни еще существуют в нем, но при этом не без гордости заявляет:

– В судьбу я, конечно, верю, но воще-то я – етеист.

Мужик должен охотиться, рыбачить, ходить в баню, пить, плевать, драться, колотить свою бабу или даже, из-за внезапной, беспричинной ревности, пристрелить ее из двустволки, сесть в тюрьму – все это *законное, мужское*. Но если он отправится в церковь, будет молиться, он тот час же утратит свою идентичность, потеряет мужескую силу, «обабится»...

Это похоже на времена первоначального христианства, эпоху гонений, когда женщины, рабы и немногие, обратившиеся в новую веру умники, составляли костяк христиан. Христианство проповедано мужчинами, но изначально рождено и затем воспринято женщинами. Поиск вечной женственности – первозданной потенциальности бытия – всегда сопровождал исканиям мистиков и философов всех времен и народов. В гностицизме – все еще радикальнее,

женское возникает как необходимое саморазличение Абсолюта. Абсолют, чтобы существовать, должен положить себя как Иное. Это Иное, через которое Бог приходит к Самому Себе, и есть женское. Бог открывается женскому, для мужского начала Он закрыт («женская вера», как говорили про христианство римские патриции).

Апостол свободы, аристократ Николай Бердяев, порицая «вечно бабье в русской душе», отождествлял это с «мистическим народничеством», хронической русской болезнью, желанием утратить свою личность, отдаться и раствориться в пантеистической народной стихии, обрести «подлинную веру» темных бабушек и простых людей. В русском церковном православии *мужчин* совсем мало, до сего дня лица церковных людей – часто лица евнухов, скопцов, андрогинов, а монахи и святые – вообще по ту сторону пола (все же «патриотические» словословия воинственному духу православия и чудо-богатырям имеют по преимуществу языческие корни). Утонченный защитник ортодоксии отец Георгий Флоровский, казалось бы, ни в чем не согласный с Бердяевым, именно в этом абсолютно с ним совпадает. В «Путях русского богословия» он цитирует Бердяева с восхищением, повторяя, что старый, бытовой стиль православия навсегда кончился и его больше нельзя восстановить – вера бабушек и простых людей навсегда прошла.

Все верно – народа в этом смысле больше нет: бабки умирают, а деды не знают как перекреститься. Но если убрать из этого мира «женское», то окажется, что состояние «мужского мира» сегодня даже не до-христианское, а *до-языческое* – царство первобытных верований, фетишей, тотемов и табу.

Грехопадение произошло, человек изгнан из рая, но до поклонения стихиям – солнцу, дождю, ветру, земле – он еще не поднялся.

Tabula rasa: кажется, что история начинается вновь.

Пантеизм

*Я – лень непробудная, лютая Азия в дреме. Моей Азии изумилась
бы настоящая Азия: лежать бы мне в тени минарета, млеть в
верблюжьем загаре. Яблоко – пища дневная да пригоршня воды из
фонтана...*

Ах, я – непробудная лень! Только бы не проспать самого себя!
Николай Клюев

Но даже земному раю свойственна монотонность. Проходят дни, недели, ничего не происходит, ничего не меняется...

Начало июля, тишина, жара, безветрие. Вчерашний ливень глубоко промочил землю, огороды прополоты, солнце в зените, аист царственно бродит на лугу перед домом, выискивая лягушек; кажется, что все в округе спит. Не деревня, а чистая Обломовка. Надо работать, писать, усилием воли сосредоточить сознание, но вместо концентрации оно растекается, плывет, душа теряет свои границы и сливается с этой травой, замершими березами, с этим небом, неподвижным душным воздухом. Человек пропадает, растворяется, полный паралич воли, исчезновение желаний, мыслей, чувств: ты и мир – одно. Притом каждый простейший акт, каждое действие полно значительности – принес воды, скошил траву, выкупался в реке – и больше ничего не нужно. Состояние, похожее на счастье, которое, если верить венскому психоаналитику, человеку труднее всего долго переносить.

По тропинке вдоль забора идет Коля с ведром за водой, возвращается... Через час с одним ведром идет к колодцу снова.

– Зачем ты с одним ведром ходишь, – кричу я, – можно же сразу два принести!

Он ставит ведро на землю, вытирает со лба пот.

– Ну, принесешь два ведра, а потом что делать? – как будто с легкой обидой на жизнь говорит он. – А так принесешь одно, а потом через час еще сходить можно... Давай покурим, что ли...

Подходит, садится рядом на скамейку, затягивается «Примой».

– Эх, жара, – говорит он вздыхая.

– Да, жара и безветрие, – отвечаю я.

– Безветрие и, вишь, как парит, к вечеру, наверное, снова дождь будет...

– Да, похоже на то... парит сильно.

– Хорошо, поливать не надо будет.

– Да, поливать не надо Пауза.

– Ну, пойду дальше, – говорит он, – к Федюне зайду...

– Зачем?

– Да дело есть... Поговорим, покурим...

Да, труд это проклятие. Но и Клюев прав: мы все просыпаем самих себя. Что еще можно делать в Обломовке?

Пожар

Я отчетливо помню пожар в прибайкальской тайге, у северо-западного побережья, куда меня занесло с геологической партией лет так в девятнадцать. Мы бродили с тяжеленными рюкзаками по лесу, собирая странные камни, то спускались с сопок вниз в распадки, в самый настоящий таежный бурелом, то вновь поднимались наверх, чтобы снова уйти вниз. Можно было ударить по рыхлому валуну топором – от него пластами отслаивалась порода с вкрапленными в нее настоящими темно-малиновыми гранатами – их можно было собирать мешками, тайга невероятно богата. Я чувствовал их красоту, но мысль – взять что-то с собой – мне даже не приходила в голову. Я был полноценным व्यуношей, но в некотором роде дурачком, читавшим в палатке «Братьев Карамазовых», когда все на берегу Байкала сидели и бухали у костра. Надо мной подсмеивались – но не без уважения, времена были другие.

Пожар возник вдалеке, но даже на расстоянии чувствовалось, что это нечто страшное, сверхчеловеческое, неодолимое. Тайга пылала внизу, в распадках, где невозможно было дышать, там и без пожара-то трудно пройти – нужно пробираться через вековечный хаос наваленных друг на друга мертвых стволов.

Это был воистину *огнь пожирающий* – страшнее трудно себе что либо представить, – от которого бежало и летело все – кабаны, косули, лоси, рыси, зайцы, птицы... Несмотря на расстояние, гарь внизу не давала дышать, и только наверху, на сопках, ее разгонял сильный ветер.

Мы почувствовали себя совсем в безопасности, взобравшись на высокую почти безлесую сопку, покрытую жирной зеленой травой и местами густым кустарником. Тут мы, наконец, устроили привал, перекусили; отойдя шагов на пятьдесят, я вспугнул роскошного лоснящегося медведя, отъевшегося за лето, и скорей всего, никогда не видевшего двуногих существ. Он, похоже, спал, и, учуяв запах гари, сонный вылез из кустов, плохо понимая, что происходит. Я растерялся и лишился дара речи... мы оба замерли – нас разделяло, может быть, шагов тридцать... Я ясно помню его маленькие черно-красные глаза, выражавшие абсолютное недоумение... К счастью, мой опытный начальник, доктор геологических наук, вовремя обложил его таким зычным трехэтажным матом, что бедный мишка рванул вверх по склону сопки, время от времени испуганно оглядываясь – что за странные существа согнали его с насиженных мест...

В Березно же пожар начался совершенно прозаично. Вдали за рекой, в Заводском лесу, стал подниматься пепельно-серый дым, на который мы сначала не обратили никакого внимания.

Я отправился за водой к соседям, где на скамейке недалеко от колодца сидели несколько бабок. И пока я наполнял ведра, услышал: «Вот, раньше б, если был пожар, то вся деревня бросилась бы тушить, а теперь никого не дозовешься...»

Мы жили тут первое лето, второй месяц, и я почувствовал себя неловко. Вернувшись домой, я одел сапоги, взял лопату, топор, предупредил Маргариту, и отправился в лес. Маргарита была решительно против, но не выдержала, и тоже побежала за мной. Еще с нами внезапно отправилась молодая дачница, от которой я такой прыти никак не ожидал.

Мы перешли вброд у мельницы речку Яню, где уже всю пахло гарью, и через полверсты наткнулись на пожарище. Огонь расходился по эллипсу, диаметром метров 300, ветра почти не было, поэтому пламя пожирало лес не слишком быстро. Я стал лопатой сбивать огонь по периметру, Маргарита шла за мной и гасила новые очаги возгорания, а молодая соседка отправилась в деревню за подмогой, – ясно, что одним нам было не справиться.

Жар от огня шел страшный, шляпа с полями совершенно не спасала от дыма и гари, Маргарита ругалась: «Ты с ума сошел, мы сейчас сгорим в этом пекле! Только нам это и нужно, а больше никому!» Я уже хотел прекратить это безнадежное дело, но погасив огонь метров на

тридцати, почувствовал нечто невероятное... Вдруг откуда-то изнутри, помимо моего сознания и воли, вспыхнул и охватил меня целиком безумный нечеловеческий экстаз: я почувствовал, что мы боролись с неодолимой стихией на равных, и даже начали побеждать ее! Подобного всепоглощающего чувства я не испытывал никогда: «А мне это нравится!» – заорал я, и продолжал лупить лопатой по периметру пожарища. Но это был уже не я: все, что я делал, происходило помимо моего сознания, кто-то другой, родившийся во мне, отчаянно боролся с пламенем, испытывая дикий ницшеанский восторг от неведомых стихий, которые поднимались из глубин навстречу пожару...

Что произошло со временем, совершенно не ясно. Мгновение казалось часом, а час мгновением. Я так и не могу вспомнить, сколько реально прошло времени, пока из деревни не подошла подмога, но мы уже успели погасить больше половины периметра пожара. Двадцать минут, час, два часа... Это было настоящее пробуждение, откровение, *сатори* – преобразование сознания и всей твоей сущности – то редчайшее состояние, которое остается навсегда и никогда не стирается из памяти... И только тогда понимаешь, какие бездны энергии тлеют в наших глубинах, но проявляются лишь в редчайшие мгновения. Две трети жизни мы спим, используя не более четверти своих физических и духовных возможностей, и лишь изредка просыпаемся... «Когда, мы мертвые, просыпаемся».

Потом прибежали мужики с лопатами и топорами и дотушили оставшуюся половину. Мы все вместе прокопали канавку, и огонь начал стихать. Последними, естественно, приехали лесники, с трактором, которые дотушили мелкие очаги возгорания...

Мы сидели у речки с мужиками и обсуждали, какой подвиг мы совершили. Одни говорили, что если бы не мы, то сгорел бы не только лес, но и вся деревня, другие говорили, что и несколько б деревень пожгло, а то и дошло до самого Заянья... Все это походило на рассказы «охотников на привале».

Но пожар был потушен. Часть леса мы, действительно, спасли, и с тех пор в деревне нас всерьез *зауважали*.

Православная этика и дух капитализма

Чем жить в лесу, кроме огорода, тем более что урожая может не хватить и до середины весны?

Поздней осенью и в начале зимы в реках, ручьях, протоках, озерах бывает много рыбы – от щуки и окуни до язя и линя; но когда все заваливает метровым снегом, рыба исчезает. Зимой собирают чагу с берез и сдают ее в автолавку, которая приезжает раз в неделю. Чага – березовый черный гриб, очень тяжелый, надо набрать мешок и тащить по снегу несколько верст, труд адский, а платят за чагу гроши.

По весне рыбы опять много, но к лету и она кончается, куда-то уходит в дальние омуты, сколько ни кидай спиннинг или удочку, кроме мелкоты ничего не поймашь. В мае появляются сморчки и строчки – вкуснейшие грибы, но здесь они почему-то не пользуются популярностью... В июне собирают лесную землянику (она уже может принести доход), иногда морошку на болотах, в июле чернику и лесную малину, в августе – бруснику, но главное ягодное золото – клюква идет в сентябре. Настоящие болотные сидельцы (как Колин брат, Женя, по прозвищу «американец») на мшаге, именуемой Коросло, за месяц – если клюквы много – могут собрать тонну-полторы, по два-три пуда в день. Но собрать еще треть дела; вынести с болота три пуда сразу – невозможно, мох проваливается, в глухих местах можно и сгнуть вместе с мешком. Приходится разбивать добычу на три части и тащить с полверсты до велосипеда или мотоцикла. И, наконец, клюкву надо перебрать, сохранить и в конце октября продать разумно оптом, ибо скупщики дают всего лишь полцены.

В свое время у Николая была мечта – скопить деньги на «видик» и открыть в деревне видеосалон, начать собственное дело. Если вспомнить Макса Вебера, капитализм и частное предпринимательство проистекают из лютеранско-кальвинистского аскетизма: упорный труд, бережливое преумножение первоначального капитала – залог подлинной жизни. Труженик, успешно возделывающий свою ниву, тратящий много меньше, чем получает, – прообраз праведника и одновременно эмбрион зарождающейся эпохи человеческого процветания. Заработанные деньги нельзя тратить на себя, их нужно вкладывать в дело и жить, как в монастыре, – и тогда будет шанс оправдаться перед Богом.

Всем известно, что в деревне денег мало и кредит взять негде. Но если они появляются, потратить их не на что, а сохранить очень сложно. Когда охают над сельской нищетой, не понимают, что деньги, даже в относительно небольшом количестве, для современной деревенской жизни чаще зло, чем добро. Немногие «крепкие мужики» («кулаки» по советской терминологии), обустроившие свое хозяйство и умеренно пьющие, в основном люди полугородские. В той или иной степени они прошли через городскую жизнь: для них «золотой телец» не так опасен.

С конца же июня и до октября в деревнях начинается «золотая лихорадка», – местный народ бродит по лугам и лесам, собирает лисички и сдает их скупщикам. Расти грибы начинают в глухих лиственных лесах, на старых хуторах, у черта на рогах, и лишь в июле появляются в борах. У всех свои потаенные места, которые никто никогда не выдаст. Это единственное время в году, когда за день можно заработать 500–1500 рублей – для деревни деньги огромные (в Европе, куда эти лисички везут через Эстонию, их стоимость возрастает в 20–30 раз). Но сумма в две-три тысячи рублей может стать роковой, ибо люди здесь не просто пьют, а в буквальном смысле пьют *до смерти*. И тут для широких славянских натур возникает убийственная проблема – одинаковая и для города, и для села, и для поэтов, художников, и для скромных селян: как спрятать сумму *от самого себя*, да так, чтобы ее как бы не было, но однажды ее можно было бы найти и воспользоваться. Иначе беда: не будет ни денег, ни здоровья.

Как-то Николай собрал лисичек тысячи на две и отправился сдавать их за семь верст в большое село на велосипеде. Там он встретил приятелей и от душевных щедрот решил их угостить. Малопьющий Коля угощал их так долго, что, в конце концов, напился сам. Пил дня три, пропил все деньги, потом и велосипед тоже, и вернулся пешком весьма в истощенном состоянии, но, слава Богу, живой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.